

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ III МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

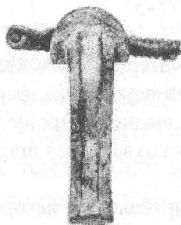

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ III МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Москва, 16-19 марта 2015 г.

МОСКВА 2015

О «ДРУЖИННЫХ» ЗАХОРОНЕНИЯХ В ПЕТРОВСКОМ

Под традиционным для отечественной историографии понятием «курганы Ярославского Поволжья» скрываются три сложных по своему составу археологических комплексов (Тимерево, Михайловское, Петровское). Основное внимание исследователями уделялось (и уделяется) Тимеревскому. Материалы Петровского, так же как и Михайловского комплексов практически не привлекаются или используются лишь для получения статистических данных.

Очевидно, потенциал Петровского археологического комплекса до сих пор не раскрыт. Во-первых, к могильнику примыкает довольно крупное поселение, видимо, занимающее около 10 га, исследования которого практически не проводились. Странная форма могильника заставляет предполагать фрагментарную сохранности кладбища. По данным 1877 г. его площадь составляла более 4,5 га, а курганы подвергались распашке уже тогда. Размеры и взаиморасположение курганов в Петровском и Тимерево аналогичны. Площадь могильника в Тимерево в настоящий момент составляет 4,5 га, на ней расположено почти 500 насыпей (Захаров, Зозуля, 2014. С. 52, 53). Топографический план (точнее, схема) Петровского могильника был снят относительно поздно, в 1960-е годы. На плане отмечена 141 насыпь (Ярославское Поволжье, 1963. С. 20–23, 126–132).

В последнее время разворачивается дискуссия о количественной оценке погребений с предметами вооружения «дружинных» некрополей и их процентном соотношении с числом исследованных насыпей (Каинов, 2008; Фетисов, 2008а; 2008б; 2012). Зачастую материалы Тимеревского, Петровского и Михайловского некрополей причудливо смешиваются и, в результате, представляются неким единым массивом, наряду с «аналогичными» памятниками типа Гнездово, Шестовицы и др., характеризующими «дружинную» культуру Древней Руси. Ранее необходимость дополнительной аргументации в пользу «дружинного» характера Петровского некрополя уже была отмечена (Зозуля, 2008. С. 340). Попробуем развить этот тезис.

118 исследованных И.С. Абрамовым, М.В. Фехнер и В.Н. Седых¹ курганов содержали 137 захоронений (Дело..., 1908. Л. 22–25; Ярославское Поволжье, 1963. С. 20–23, 126–132). Именно данные об общем количестве погребений, а не курганов, логично использовать при количественной оценке захоронений с оружием. Оружие содержалось в 16 курганах².

Список захоронений с предметами вооружения придется несколько скорректировать. В двух случаях (к. 21, 71) предметы вооружения обнаружены в насыпи, и их связь с погребением до конца не ясна. К тому же в к. 71 (как и в к. 73) захоронение, судя по инвентарю, женское. Предмет из к. 91, являющийся, по мнению авторов раскопок, наконецником стрелы, не поддается определению из-за плохой сохранности. Таким образом, курганы 21, 71, 73 и 91 из списка «дружинных» следует исключить.

Неоднозначна трактовка захоронений с одиночными наконецниками стрел. Вероятно, стоит согласиться с мнением, что подобные погребения можно относить к «дружинным» лишь в том случае, если их инвентарь содержал еще какие-либо характерные признаки: предметы, связанные с торговлей, ремennую garnитуру и т.д. (Фетисов, 2004. С. 93). Инвентарь трех захоронений из Петровского (к. 69а, 73, 76) не позволяет учитывать их как «дружинные»: другие «дружинные» признаки, кроме наконецников стрел, в них не выявлены³.

¹ Благодарю В.Н. Седых за возможность использовать неопубликованные данные.

² Находки предметов вооружения не всегда связаны с конкретным захоронением. Об этом ниже.

³ То есть, захоронение в к. 73 не может быть включено в список «дружинных» по нескольким основаниям. Справедливости ради стоит отметить, что из четырех захоронений, содержавших два и три наконецника стрел, лишь в одном присутствовали детали ремennой garnитуры (поясной наконецник). Торговый инвентарь не обнаружен и в этих погребениях.

Таким образом, выборка курганов, относимых к «дружинным», сокращается до 10 захоронений¹, а соотношение погребений с предметами вооружения к общему количеству исследованных падает до 7,3 %.

Интересно обратиться к обряду захоронений, попавших в выборку. Преобладают труположения (6 из 10). Из шести захоронений пять представлены довольно схожими между собой малоинвентарными ингумациями на уровне материка. Оставим в стороне дискуссию об интерпретации топоров типа IV и V (по типологии А.Н. Кирпичникова) исключительно как боевых² и обратимся к датировке ингумаций. Традиционно подобные захоронения датируются в Ярославском Поволжье (и не только) рубежом X/XI – началом XI в. То есть, большинство «дружинных» погребений в Петровском выходят за рамки того периода, в который, по мнению А.А. Фетисова, регион Ярославского Поволжья мог быть независим от центральной власти и опирался на собственный воинский контингент (Фетисов, 2012. С. 416).

Трупосожжения с предметами вооружения, вошедшие в выборку, выявлены в к. 38, 59, 99, 111 из раскопок М.В. Фехнер. В двух найдено по два наконечника стрел, в к. 59 – три экземпляра. Восприятие этих захоронений как «дружинных» кажется не совсем правомерным, однако и их исключение из списка требует дополнительной аргументации.

Единственным захоронением Петровского некрополя, бесспорно относящимся к богатому воинским, можно считать трупосожжение в к. 38, сопровождаемое мечом, колчаном, накладкой на лук, торговым инвентарем, конским снаряжением, ремненным набором. Только это погребение содержало несколько категорий предметов вооружения и имело другие признаки принадлежности погребенного к «дружинной» среде (Каинов, Зозуля, 2014).

Таким образом, «дружинные» захоронения в Петровском отличаются, за редким исключением, крайним однообразием набора предметов вооружения и, в целом, бедностью инвентаря. Типологически они в основном распадаются на две группы: трупосожжения с наконечниками стрел и труположения с топорами. Первая группа датируется серединой – второй половиной X в. и вряд ли связана с функционированием некоего профессионального воинского контингента. Вторая группа, возможно, отличается от первой и несет в себе другие, новые для региона, древнерусские традиции. Датируются подобные захоронения рубежом X/XI – началом (или первой половиной?!) XI в. Вряд ли их можно отнести к классическим «дружинным»³. В целом же схожесть пяти ингумаций с топорами и их концентрация в одной части могильника свидетельствуют о близкой датировке, что, в свою очередь, может отражать рост напряженности, связанный с появлением Ярославля как нового политического и административного центра региона (Энгватова, 2011. С. 80).

Представленный обзор погребений Петровского некрополя с предметами вооружения, при очевидной скудости и однотипности последних по сравнению с аналогичными материалами Тимеревского и Михайловского могильников, позволяет еще раз указать на неприемлемость обобщения данных всех трех комплексов. Очевидно, в Ярославском Поволжье существовала иерархическая структура расселения, схожая с описанной В.С. Нефедовым для Смоленского Поднепровья и Подвинья (Нефедов, 2012. С. 277–280), в которой Петровское занимало не верхнюю ступень. Видимо, расположение Петровского археологического комплекса на Волжском торговом пути⁴ связано с какими-то другими причинами, а отнюдь не необходимостью контроля участка речной артерии, и уж точно не силой оружия.

¹ К. 6, 9, 32, 38, 41, 55, 59, 99, 111 из раскопок М.В. Фехнер 1962-1963 гг., к. 11 из раскопок И.С. Абрамова 1908 г. Установить обряд последнего погребения довольно сложно, скорее всего, захоронение совершено по обряду ингумации.

² В противном случае круг «дружинных» захоронений Петровского сузится еще больше.

³ Хотя некая унификация набора предметов вооружения в погребениях конца X–XI в. и появление ингумаций с топорами характерно и для других памятников, например Гнездова.

⁴ На притоке второго порядка и, на самом деле, на довольно большом удалении от Волги.

- Дело ИАК 71/1908 о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Владимирской, Костромской, Ярославской и Санкт-Петербургской губерниях. Архив ИИМК РАН.
- Захаров С.Д., Зозуля С.С., 2014. Новые данные о Тимеревском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситников, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 51–53.
- Зозуля С.С., 2008. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 337–340.
- Каинов С.Ю., 2008. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск. С. 200–203.
- Каинов С.Ю., Зозуля С.С., 2014. Накладки на рукояти мечей (по материалам раскопок Гнездовского и Петровского некрополей) // Славяне и иные языци... / Отв. ред. Н.И. Астахова. М. С. 132–140.
- Нефедов В.С., 2012. Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 г. Предпосылки образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М. С. 270–299.
- Фетисов А.А., 2004. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. № 3. С. 89–98.
- Фетисов А.А., 2008а. Численность «дружинных» гарнизонов на торговых путях Восточной Европы // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск. С. 225–227.
- Фетисов А.А., 2008б. Численность «дружинных» гарнизонов на торговых путях Восточной Европы // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 2. Коростень. С. 207–212.
- Фетисов А.А., 2012. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 г. Предпосылки образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М. С. 406–436.
- Энговатова А.В., 2011. Древнейшее поселение Ярославля // Археология Древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. М. С. 79–80.
- Ярославское Поволжье X–XI вв., 1963 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М. 144 с.

А.З. Исмаилова

*Национальный музей истории Азербайджана, Баку
aidaismailova4@gmail.com*

О НЕКОТОРЫХ ЗАТОПЛЕННЫХ И УТЕРЯННЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ НА КАСПИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АЗЕРБАЙДЖАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА)

В ряде исторических источников упоминаются средневековые города Азербайджана, месторасположение которых не установлено, из-за чего предполагается, что они оказались затоплены Каспийским морем. В их числе город Махмудабад и поселение Кюрсанги, находившиеся в области Гуштасфи на территории Ширвана, входившего в состав государства Ширваншахов. Об упомянутых городищах имеются сведения у А. Бакиханова (2000. С. 92). Ширван начала XII в. занимал территорию, ограниченную с севера р. Самур, с юга – р. Курой, с востока Каспийским морем, на западе он граничил с Шеки, Мингечевиром и Евлахом. На юге ширваншахи присоединили к своему государству область Гуштасфи (Буниятов, 1975. С. 40). На данной территории расположен современный Сальянский район и часть Нефтчалинского района Азербайджана. С целью поиска указанных городов экспедиция Музея истории Азербайджана под руководством В. Квачидзе проводила в 1969–1987 гг. подводные археологические исследования, причем не только в затопленных городах на каспийском побережье, но и на поселениях вдоль бывшего притока р. Кура (Квачидзе, 2009). Ранее выдвигалось предположение, что обнаруженные у притока Куры развалины принадлежат городу Махмудабад. В результате